

Žigo), **Mária Nováková** sleduje přítomnost osobních jmen v nejstarších místních názvech Uherska (237–242).

Další velký blok je spojen se slovenským folklorem, hlavně pohádkami Pavla Dobšinského (1828–1885): poučeně o tom píše známá folkloristka **Viera Gašparíková**, která konstatuje neutuchající čtenářský zájem z důvodů eticko-estetických (243–269). **Ján Michálek** (270–275) hodnotí místo Dobšinského jako klíčové, zejména ve vztahu k úloze fantastické (kouzelné, slov. čarovné) pohádky (rozprávky). **Ladislav Čavojský** ukazuje na život Dobšinského jako na divadelní pohádku (276–285), **Katarína Žeňuchová** (286–300) akcentuje ve své studii o zápisech lidové prózy úlohu Sama Cambela, jemuž věnovala později (2009) vydanou knihu, **Viktorija Ljašuk** v bělorusky psané stati zkoumá jazykové problémy převyprávění lidové prózy u Dobšinského (301–312) a **Ol'ga Panovová** zkoumá slovenskou pohádku v provedení profesionálního loutkového divadla (313–317).

Je to mnoho témat, mnoho autorů a řada koncepcí, ale přece jen tu lze najít těžiště těchto výzkumů, jak byly naznačeny na samém počátku. Pokud mi tu něco chybí, je to právě výraznější zření k úloze češtiny, české literatury – lidové a pololidové – a české folkloristiky, jak koncepčně, třeba i konfrontačně, tak terminologicky. I když se se závěry některých studií asi nelze bezvýhradně ztotožnit a řada věcí zůstává diskutabilní a nevyjasněná, je tu snaha ukázat slovenský jazyk a jeho textové produkty ve sféře lidové tvorby a jejího přenosu jako samostatné, mající vlastní vývojové paradigma, s výrazným posílením srovnávacích prostorových (spaciálních), tedy areálových aspektů. To je jistě hodno bedlivé pozornosti.

Ivo Pospíšil

Грубинский, В. И.: Русская диалектология. Говорит бабушка Марфа, а мы прокомментируем. Учебное пособие. Санкт-Петербург, Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. – 208 с. ISBN 5-8465-0217-2

Задачей русской диалектологии является описание диалектного членения современного языка. Изучение говоров помогает глубже осознать структурное, семантическое и стилистическое богатство русского языка, проследить влияние народной речи на становление и развитие литературного языка, понять условия и причины последовательного изменения русского языка. Диалекты древнее, чем современный литературный язык, который сложился в свое время на основе народной речи, и долго развивался под их воздействием. В отличие от народного языка диалекты существуют только в устной форме и обслуживают главным образом сферу бытового общения сельского населения. Говоры являются важным источником в изучении истории языка. Сравнивая отдельные этапы развития одного и того же явления в различных говорах, можно составить представление о том, как изменение происходило.

Русская диалектология „началась” в XIX в. с описания разрозненных диалектных явлений, которые отличали говоры от литературного языка. В конце XIX в. по инициативе А. А. Шахматова началось систематическое собирание материалов. В 1915 г. была составлена предварительная карта распространения русских говоров („*Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии*”). Авторами этой первой научной классификации были чле-

ны Московской диалектологической комиссии, работавшие при Академии наук, во главе с Д. Н. Ушаковым, Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым. В этой классификации принимались во внимание только различительные признаки говоров. В 1935 г. Академия наук СССР приступила к созданию „*Атласа русских говоров*”, который должен был отразить актуальное состояние говоров. Реально работа началась только после 1945 г. под руководством Р. И. Аванесова и Б. А. Ларина. На основании собранных материалов к 1965 г. была создана новейшая классификация русских говоров, которая отражает состояние и распространение говоров в XX в.

Предлагаемое учебное пособие ставит своей целью помочь студентам-русистам в их самостоятельном изучении русской диалектологии. Оно необычно; представлено оно читателю в виде своеобразного комментария к записям речи неграмотной старушки-крестьянки Марфы Петровны Сидоровой (1876-1959), проживавшей в деревне Ремда Гдовского района Псковской области. Записи были сделаны авторами от руки в 1956 и 1959 гг. во время летних диалектологических экспедиций филологического факультета Ленинградского государственного университета. В учебном пособии поясняются особенности среднерусского говора (вернее западнорусского). Речь выбранной автором диалектоносительницы представляет крестьянский говор первой половины XX столетия.

В книге два раздела. Им предшествует „*Предисловие*” (с. 3–9), в котором даются вводные указания к изучению данной дисциплины.

Первый раздел („*Диалектный текст и предварительный комментарий к нему*”, с. 10–67) – это записи высказываний Марфы Петровны. Они распределены по темам. Так что раздел распадается на множество мелких подразделов, в каждом из которых собраны воедино ее высказывания разной величины на определенную тему, записанные чаще всего не в одно и то же время. В конце первого раздела, после основного диалектного текста (высказываний Марфы Петровны), приложены записанные автором севернорусский и южнорусский диалектные тексты, чтобы предоставить читателю возможность хотя бы бегло сопоставить комментируемый среднерусский говор с конкретными говорами северного и южного наречий. Первый раздел завершает „*Предварительный комментарий к высказываниям Марфы Петровны*” (с. 56–67). Этот крупный подраздел представляет важную часть настоящей книги. В ней содержатся пояснения отдельных наиболее значимых фонетических и грамматических различительных явлений.

Второй раздел („*Краткий обзор наиболее существенных различительных особенностей русских говоров – основные разделы комментария*”, с. 68–182) автор условно называет комментарием Марфы Петровны. Он состоит из четырех частей. В первой, посвященной фонетике („*Фонетика*”, с. 68–97), разбираются различительные черты в сфере вокализма (произношение в зависимости от позиции, занимающей в рамках данной словоформы, ударных гласных *а, о, е*, а также их реализации в безударном положении – т. е. аканье, оканье, яканье, ёканье, еканье, объясняются причины возникновения т. наз. второго полногласия) и консонантизма (произношение заднеязычных, зубных и плавных согласных, согласного „йот”, толкуются такие явления как цоканье, чоканье, соканье, дзеканье, цеканье и шепелявое произношение свистящих, обращено внимание на ассимилятивные процессы и позиционные чередования согласных).

Во второй части анализируются отличительные свойства отдельных говоров в области морфологии („*Морфология*”, с. 98–129). Проходятся они по отдельным частям речи (сужение имен существительных среднего рода в пользу существительных или мужского, или женского рода; интенсивный процесс развития существительных общего рода; более сильная унификация падежных форм во множественном числе, чем в литературном языке; во множественном числе совпадение творительного падежа с дательным; сближение существительных женского рода с нулевой флексией в им. пад. ед. ч. с существительными на *-а/-я*; особенности падежных изменений существительных *мать, дочь, время*; варианты падежных форм прилагательных; различия в образовании форм сравнительной степени прилагательных и наречий; йотированные формы неличных местоимений; различительные формы спряжения глаголов; варианты форм 3 лица обоих чисел глагола; различия в типе чередования согласных в конце основы глагола; разнообразие формообразующих инфинитивных и императивных суффиксов; сближение причастий и деепричастий).

Контрастивные явления в области синтаксиса разбираются в третьей части („*Синтаксис*”, с. 129–154). В рамках словосочетания внимание обращено на особенности структуры беспредложных словосочетаний (конструкции с именительным объектом при инфинитиве типа *земля пахать, козы кормить*; конструкции с именительным прямым объектом при безлично-предикативном слове – тип *надо шапка*), далее на различное употребление словосочетаний с предлогом и на особенности употребления форм косвенных падежей в беспредложных словосочетаниях. Целый ряд различий засвидетельствован в простом предложении (интенсивное употребление разнообразных частиц, далее конструкции с формой аналитического давнопрошедшего *был приехал*, с предикативным деепричастием на *-ши* типа *Он уже приехавши*, с неизменяемым причастием на *-н, -т*: *трава скошен, дровишки расколот*, страдательно-безличные обороты типа *там закрыто, воды принесено, шкуру содрано, у них уехано, трава скошено*, обороты типа *есть дров, есть грибов, там Коля есть сидит*). В рамках сложного предложения проходятся встречающиеся в говорах союзные средства в сложносочиненном и в сложноподчиненном предложении. Подчинительные отношения выражаются в говорах и без участия союзов, вводящих придаточное предложение. На иллюстративных примерах показано, что при бессоюзном подчинении определенную функцию средства связи выполняют постпозитивные частицы.

Пособие ориентировано на классификацию говоров, принятую Московской диалектологической комиссией в 1915 г., но учтены также диалектные объединения, обозначенные на карте 1965 г. (особенно если нужно показать изменения в говоре), и предпринята попытка соотнести их с группами говоров, выделенными на карте 1915 г. Классификация 1915 г. является более полной, и построена на учете исконных для диалектов признаков. Она кажется быть более удобной для изучения, поскольку она охватывает все существенные для конкретных говоров признаки, и эти признаки являются различительными. В четвертой части („*Диалектное членение*”, с. 154–182) знакомится читатель с группировкой говоров русского языка, с их отличительными чертами, встречающимися в севернорусских, южнорусских и, наконец, в среднерусских говорах. Составители „*Диалектного атласа русского языка*” от 1965 г. подчеркивают, что предлагаемая ими система диалектных подразделений является группировкой, а не классификацией русского языка, поскольку она не отве-

чае принципу сопоставления определенного ряда величин по одной соотносительной и для всех этих величин характерной черте. Исходя из этой теории можно выделить семь диалектных зон (западную, северную, северо-западную, северо-восточную, южную, юго-западную, юго-восточную), которые описываются в самостоятельной части: о каждой из них упоминается о ее территориальном расположении, о ее соотношении с другими лингвотерриториальными объединениями, указываются также наиболее существенные различительные черты, входящие в ее диалектный комплекс.

В конце пособия приводится список литературы („Рекомендуемая литература”, с. 183–193), содержащий основную учебную литературу и литературу дополнительную (монографии, учебные пособия, статьи), далее диалектные словари. В качестве приложения можно воспринимать отпечатанные карты, а именно: „Диалектологическую карту русского языка в Европе” (1915 г.), „Диалектологическую карту русского языка” (1965 г.), „Диалектные зоны русского языка”. В самом конце книги помещено наглядное содержание („Оглавление”, с. 189).

Алеш Бранднер

Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. Editori Dana Baláková a Peter Ďurčo. Ružomberok, Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta – Medzinárodná komisia pre výskum frazeológie slovanských jazykov pri Medzinárodnom komitáte slavistov – Slovenská frazeologická komisia pri Slovenskom komitáte slavistov, 2007, 425 s.

Velmi užitečnou tradicí vydávání sborníků s frazeologickou tematikou zahájila v roce 1996 prvním svazkem **Frazeologických štúdií** Slovenská frazeologická komise pracující při Slovenském komitátu slavistů. Jmenovaný sborník tehdy obsahově souvisel s jiným významným počinem slovanských frazeologů – totiž vydáním slovníkové brožury *Frazeologická terminológia* (1995), jejímž cílem bylo shrnout termíny, s nimiž se ve frazeologii můžeme setkat, a podat co nejucelenější přehled jejich existujících, mnohdy značně nesourodých definic. V roce 2007 vyšel v Ružomberku péčí tamní Katolické univerzity dosud poslední, pátý svazek, který má podtitul *Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii* a jenž byl věnován prof. PhDr. Jozefu Mlackovi, CSc., předsedovi Slovenské frazeologické komise při Slovenském komitátu slavistů, u příležitosti jeho 70. narozenin. Tato skutečnost do jisté míry předurčuje i strukturu tohoto sborníku – hned v jeho úvodu se ve statích *O jubilantovi* (D. Baláková) a *Cesta jubilanta do frazeologického vesmíru* (rusky psaný příspěvek V. Mokijenka) můžeme dočíst mnoho zajímavého z osobního i vědeckého života Jozefa Mlacka a s jeho osobou přímo souvisejí i tři závěrečné texty: vlastní jubilantovo vyznání *O mojej ceste k frazeológii*, etymologicko-antroponomastický příspěvek P. Žiga *Západoslovansko-nezápadoslovanské priezvisko Mlacek* a celý sborník logicky uzavírá *Súpis prác Jozefa Mlacka* zahrnující 454 položek z let 1961 až 2007.

Jádro sborníku tvoří 24 příspěvků slovanských i zahraničních odborníků-frazeologů, které jsou rozděleny tematicky do pěti okruhů: *Všeobecné problémy frazeológie*; *Paremiológia*; *Frazeológia a text*; *História a etymológia frazeológie* a *Didaktické problémy vo fra-*